

Светало. У горизонта, где посажена рожь и пшеница, сколыхнула алым платком заря. Розовой волной поплыли по бескрайнему небу облака. На всю округу пронеслось громкое противное кваканье. Распелись тоже! Как заводные! Артисты! Небось, радуются тихому утру, новому дню, солнышку. Где-то в траве застрекотали кузнечики. Природа давно проснулась, умылась прозрачной росой, и жизнь забила всюю ключом.

За деревней у реки возле огромной старой берёзы стояли парень и девушка. Обоим не больше семнадцати. Чернбровая красавица с вьющейся косой за спиной в белом сарафане прижималась к дереву. Парень, высокий и крепкий в плечах, в зелёной рубаше и серой кепке, стоял рядом. О чём-то беседовали. Разговор вёл юноша. Девушка, наклонив голову, молча слушала его. У каждого из нас глубоко в памяти хранится такое утро. Именно такое. Заря, река, дерево... ещё бывают качели, скамья, тёплый дождь... Как же одинаково мы любим в этом возрасте. Одинаково встречаем рассветы и провожаем закаты. Да и как можно не любить, когда на двоих нам всего тридцать пять лет? Весь мир у наших ног, и все дороги открыты – только выбирай. Юность, юность, как же трепетна ты и прекрасна. Как заря, вспыхнешь ярким огнём и уйдёшь в бытие, оставив в памяти глубокий тёплый след.

Девушка, проведя по коре дерева ладонью, молча пошла вдоль реки. Парень догнал её, взял за локоть, прижал к себе.

– Настя, – коснулся её плеча.

– Саша, не надо, – девица наклонила голову. – Не надо.

– Я же приеду.

– Приедешь, – еле слышно произнесла девушка и подняла глаза. – Зачем тогда нужно было говорить... зачем тогда... Я же знала, что поедешь. Захар Дементьевич велит, и поедешь.

– Как я могу отказаться, если народ велит. Люди надеялись на меня, а я им «не хочу». Это ведь тоже не дело.

– Вот и езжай в свой Горький! – девушка попыталась пойти, но парень крепко удержал её за плечо.

– Меня не будет каких-то девять месяцев. Соскучиться не успеешь, как я ворочусь.

Настя медленно перевела взгляд в сторону, где шумела река, и тихо сказала:

– Клава тоже едет в Горький.

– Ну и что? Подумаешь, Клава. Сдалась тебе эта Клава.

– Я же видела, как она на тебя в клубе смотрит. И подружки мне говорили, что... что нравишься ты ей.

– Глупости.

– А если ты и правда ей нравишься, Саша?

– Мало ли чего из этого.

– И в город она тоже едет осенью.

– Она на бухгалтера поступает. И ни один год там пробудет, – парень улыбнулся. – А я – глазом моргнуть не успеешь, как приеду домой.

– Это только кажется так, что быстро. А на самом-то деле...

– Я тебе писать буду. Каждый день.

– Ты что?!

– А что?

– Родители ещё подумают невесть чего.

– Что же мне теперь и письмо написать нельзя, – в голосе прозвучала обида.

Настя промолчала.

– Хорошо, – не сразу ответила она. – Ты только пиши сестре моей, Маше. А я у ней забирать буду. Ладно?

– Только ты мне тоже пиши, – сказал парень.

– Хорошо, – девушка скромно улыбнулась и медленно пошла, поглядывая на реку. Юноша шёл рядом.

Рассвело. Вот ведь тоже – светает и темнеет так, что и не заметишь. Вроде бы только вот-вот, совсем недавно темень стояла несусветная, а сейчас, пожалуйста, вокруг ясно, и стрекочут кузнечики.

– Я вчера к бабе Лизе ходила, матушка за молоком козьим посылала. Пришла, а там Егорка...

– Кто?

– Егорка, – Настя засмеялась. – Козлёнок. Ох и забавный, ох и шустрый. Всю поленницу разворотил окаянный, всех кур распугал. А петуха сам боится. Петух своих курочек в обиду не даёт. Прогоняет его. Я сама не видела, мне баба Лиза рассказывала. Забавно, да? – девушка остановилась. – А ведь он слабеньким уродился. Совсем нехороший был. Думали не выкарабкается. А баба Лиза выходила его. В избу забрала, через соску молоком поила. Головку вот так вот одной рукой придерживала, а другой кормила. Теперь вон какой красивый стал. Шустрый – глаз да глаз за ним нужен. Маленький ведь ещё, вот и хулиганит.

Александр с замиранием слушал подругу. Какая же она всё-таки хорошая. И голосок такой добрый, что послушаешь его, и так хорошо становится, так радостно делается на душе, будто только что испробовал волшебную конфету. И любоваться ею одно удовольствие. Какое же это счастье стоять рядом с ней и трогать её ладонь. Такая она красивая. Красивая и по-детски ещё немного наивная.

Александр приблизился на полшага, коснулся Настиного предплечья и поцеловал её.

– Ой, Саша, не надо. Зачем ты так? – спросила девушка. – А если бы нас сейчас кто увидел?

– Да кто нас может увидеть?

– Мало ли? Может, кто и на рыбалку спозаранку вышел... или... Никита Кондратьевич стадо, поди, уже погнал.

– Я же аккуратнo.

– Всё равно, – Настя прошла вперёд и украдкой улыбнулась. Не услышав за собой шагов, она обернулась. Александр стоял неподвижно.

– Обиделся? – тот промолчал.

– Не обижайся, пожалуйста.

– Я и не обижаюсь.

– И правильно, – Настя взяла друга за руку. – Помнишь, как за той рощей картофель собирали. Нас тогда всей школой посылали. Помнишь? – улыбнулась. – Небо ясное-ясное было, ни тучки, ни облачка. И вдруг, откуда не возьмись, дождик пошёл. И такой тёплый, лёгкий, озорной. Прошёл мимолетно, словно поздороваться к нам забежал. А как пропал, радуга появилась. И такая красивая, и так рядом, кажется, пробегу немного, и она прямо над тобой будет...

– Вот поженимся, родишь мне сына. Назову его Юрой, – оборвал разговор юноша.

Настя притихла. Большие карие глаза её заиграли вопросительным знаком.

– А почему Юрой?

– А что? Мне нравится, – пожал парень плечами. – И я, как папа, должен сам выбрать мальчику имя. Это железно, – улыбнулся. – Юрий Кулаков. Звучит?

– А если родится девочка?

– Если родится девочка, тогда имя за тобой.

Настя призадумалась.

– А дочку мы назовем Зоя. Вавилова Зоя, нравится?

– Отчего же Вавилова, когда ты будешь Кулакова?

Девушка засмеялась.

– Ой! Точно. Кулакова.

Настя, придержививая сарафан, присела на траву. Александр примостился рядом. Рыжее солнце весело отражалось в реке, и тёплый ветер изредка проносился, поглаживая щёки и волосы.

– Ты к старику Еремею часто заходишь?

– Стараюсь каждый день, но совсем недолго бываю у него, – ответил парень. – С Лёшкой ему дрова позавчера кололи. А так... Заскочишь ненадолго и всё. А вы с Любашей навещаете старика? Вроде как собирались.

– Редко мы с Любой ходим к нему, – призналась Настя. – Больше одна навещаю. Жалко его. Совсем один. Газету прочесть и то некому. Это вы молодцы, что дрова накололи. Вы с Лёшкой не забывайте его. У него ведь нет никого. А одному ой как плохо.

– Плохо, – согласился Александр и, подумав немного, добавил: – Я тебе, Настя, из города серьги привезу.

– Зачем?

– Подарок.

– Разве так подарки делаются? – ласково спросила подруга. – Подарок должен быть внезапный.

– Это сюрпризом называется.

– Всё равно. Подарок тоже должен быть неожиданным. Так он намного приятней.

– Тогда я тебе что-нибудь другое привезу.

Настя положила голову другу на плечо.

– Спасибо. Только ты мне не говори, ладно? А то про серьги сказал, я про них уже и думаю, – девушка улыбнулась. – Ой, Саша, а в городе сейчас, наверное, очень красиво. Да?

– Наверное.

– Кругом огни, фонтаны, трамваи ходят... Охота в город, только честно?

– Вот ещё.

– Совсем-совсем неохота?

– Ну, если только чуточку, – признался парень.

– А ты будешь по мне скучать?

– Спрашиваешь. Кому я письма обещал писать каждый день, лешему?

Настя тихонько засмеялась.

– Я бы тоже хотела в Горький съездить. Я ведь там не была, только один раз, и то совсем маленькой. Я и не помню ничего.

– Съездишь. Какие твои годы. И вместе съездим с тобою ещё не раз.

– Правда?

– А чего? Конечно. Мы с тобой и в Москву, и в Ленинград съездим. Везде побываем, куда только душа запросится. Мы теперь с тобой едины и всё будем делать вместе, – Александр обнял подругу. – Куда ты, туда и я, куда я, туда и ты. Целый мир один на двоих.

– Весь мир? – девушка загадочно улыбнулась.

– Весь мир, – повторил парень. – Мы теперь с тобой вместе, и ничего нам не помешает, если мы любим друг друга.

Настя крепче прижалась к Сашиному плечу.

– Мне недавно один сон приснился. Такой нехороший. Ты, наверное, смеяться будешь. Но не надо. Ладно?

– Это же всего-навсего сон.

– Не смейся, не надо, – девушка выпрямилась, приподняла голову. – Снится мне, будто мы с Клавой в лес по ягоды пошли. Ходим, блуждаем, а ни одной ягодки не видно. Все ноги об кусты изрезали. И вдруг вышли мы с ней на поляну, а там земляники видимо-невидимо. Как ковёр красный. И ты посреди этого ковра лежишь. Я к тебе. Подошла ближе, хотела ягодку сорвать, а это вовсе и не ягоды, а вода. Красная такая. словно кровь. И ты в ней утопаешь. Я Клаву оклик-

нула, глядь, а тебя уже и нету. Мне так страшно стало. Я и проснулась. К чему бы это?

– Мало ли чего может присниться. Не бери в голову.

– Ой, Саша. Как мы засиделись с тобой, – сказала она. – А ведь мне скоро с матерью на пасеку идти.

– Побудь ещё немного, – попросил парень.

– Пойду я, Саша. Только ты подожди немного. Сразу не иди.

– Такая ты смешная, – улыбнулся юноша. – Что же теперь и пройтись с тобой нельзя?

Настя направилась к деревне. Александр окликнул её. Девушка обернулась.

– Я люблю тебя.

Настя быстро пробежала глазами вокруг и, убедившись, что никто их не слышит, улыбнулась и поспешила в деревню. Парень смотрел ей в след: на босые ноги, светлый сарафан и длинную тёмную косу. Нет, всё-таки он ей из города привезёт серьги. Красивые. Дорогие. Как однажды матери подарил отец. Обязательно привезёт. И подарит их той, с кем хотел бы поделить этот мир на двоих. Александр достал папиросину и закурил. Лёгкой походкой он отправился в деревню. Проходя мимо Настиного дома, остановился. Окно её комнаты было распахнуто. Парень надорвал кусок от упаковки папирос и осторожно пробрался к её окну. Достал из кармана рубахи маленький карандаш, не раздумывая, написал: «Настенька, я тебя очень люблю. Сашка. 22 июня 1941 г». И аккуратно положил записку в цветочный горшок.

По деревне пронеслись петушиные голоса, созывая рабочий народ просыпаться и заниматься делом. Александр шёл по улице и любовался деревьями, что шумели листвой. С цветка на цветок перелетали бабочки. Какое прекрасное утро. И таким же прекрасным будет день. Замечательно всё-таки жить на этом белом свете. Жить и любить.